

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XX ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1985
Часть I

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1986

нага и сам видел близость своего учения к даосизму. Однако считал, что "естественность" в понимании Лао-цзы и Чжуан-цзы не является истинной, поскольку проистекает не из замыслов богов, а представляет сознательно предпринятую попытку противопоставить "естественный Путь" конфуцианству. Разумеется, эта критика не затмевает факт сущностной общности ряда идей Норинага и даосизма. Стоя в оппозиции к китайским учениям, Норинага невольно заимствовал многие идеи этих учений, но объявлял их исконно японскими. В истории Японии немало примеров того, как элементы китайской культуры усваивались японцами, перерабатывались и в дальнейшем воспринимались как собственно японские. Учение Норинага представляет собой один из выдающихся примеров подобного синтеза японского и китайского. Поскольку это учение появилось в начальный период формирования национального самосознания и служило задаче его дальнейшего развития, то китайские заимствования отступили далеко на задний план и учение Норинага стало восприниматься и современниками ученого, и последующими поколениями как чисто национально японское.

-
1. Древнекитайская философия, т. I, М., 1972, с. 120-121.
  2. J. Needham. Science and Civilization in China. V.2. Cambr., 1956, p. 59.
  3. А.С. Мартынов. "Искренность" мудреца, благородного мужа и императора. - Из истории традиционной китайской идеологии. М., 1984, с. 44.
  4. Там же, с. 42.

Е.П.Островская, В.И.Рудой

О КОНКРЕТИЗАЦИИ ДИАЛЕКТИКО-МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ ПРИ ИСТОЛКОВАНИИ КЛАССИЧЕСКИХ БУДДИЙСКИХ ФИЛОСОФСКИХ ТЕКСТОВ

I. Дialeктико-материалистический подход к анализу буддийской философии предполагает осмысление этой философии как равноправной - наряду с другими - исторически-конкретной составляющей всемирного историко-философского процесса, без учета которой реконструкция последнего с неизбежностью оставалась бы односторонней и неполной. Именно в силу этого конкретизация диалектико-материалистической методологии применительно к историко-философским исследованиям классической буддийской мысли является давно назревшей и актуальной задачей.

2. Подступы к научно-обоснованному историко-философскому истолкованию и оценке культурно-исторического значения буддийской философии были разработаны в трудах основателей отечественной историко-философской школы в буддологии – Ф.И.Щербатского и О.О.Розенберга. Им удалось в значительной степени преодолеть не только европоцентристскую ориентацию в методологии, но и создать основные критерии жанровой квалификации буддийских философских текстов. Теоретики отечественной буддологической школы отчетливо сознавали известную ограниченность европейского философского терминологического аппарата для описания систем буддийской философской мысли.

Современный традиционализм исповедует – в противовес европоцентризму – другую крайность. Этот подход к исследованию буддизма как религиозно-философской системы характеризуется, во-первых, гипостазированием религиозно-доктринальной интенции, под эгидой которой возникали собственно философские концепции, и отрицанием того факта, что философский дискурс, хотя и возникает в русле религиозного мировоззрения, с необходимостью обретает относительную автономность и становится самостоятельной формой общественного сознания. Во-вторых, традиционалисты в своих историко-философских изысканиях игнорируют, по сути дела, историзм как таковой, внефлексивно отождествляя ранние стадии функционирования буддийских философских школ на основе более поздних, что связано с явной гипертрофией в сознании исследователей авторитета традиции.

3. В современной буддологической литературе, как отечественной, так и зарубежной, имеющей непосредственное отношение к анализу философских источников, пока еще не прослеживается отчетливой грани между исследованием источниковедческим и собственно историко-философским.

Источниковедческое исследование предполагает выявление совокупности доступных исторических реликтов, которые могут быть рассмотрены в качестве базы историко-философского истолкования. На этом этапе реализуются специальные процедуры источниковедения, однако эти процедуры не входят в круг проблем, связанных с историко-философским истолкованием как таковым. Смысл процедур историко-философского истолкования – в отличие от источниковедения – сводится к интерпретации терминологического аппарата, имеющего место в тексте, реконструкции синхронной версии системы на основе данного текста и объяснению первоисточника с позиций современного материалистического научного знания.

Процесс историко-философского истолкования завершается пониманием данного текста как результата действия определенных зако-

номерностей, которым подчиняется развитие философской мысли. Однако сами эти закономерности также должны быть установлены в процессе историко-философского исследования.

4. Проблемы историко-философского исследования буддизма как религиозно-философской системы нераздельным образом связаны с вопросами истолкования абхидхармических текстов, созданных в рамках этой системы и типологически соответствующих философским трактатам, зафиксированным в духовной культуре стран средиземноморского ареала. Трудность разработки конкретной методологии изучения абхидхармических текстов обусловлена тем обстоятельством, что тип философствования, возникший в странах буддийского ареала, генетически не связан с европейским.

Системы (школы) классической буддийской философии – в отличие от европейских философских систем – представляют собой полиморфные образования, развертывающиеся не только на логико-дискурсивном уровне, но и – одновременно – на уровнях религиозной доктрины и психотехнической практики, что обусловлено глубинными установками господствующей религиозной идеологии.

Для буддизма как религиозно-философской системы и, в частности, для Вайбхашики нами предложена модель, учитывающая принципиальный структурно-генетический и функциональный полиморфизм объекта. При этом весьма существенно иметь в виду, что единство буддийского мировоззрения, обусловленное единством религиозной доктрины и, соответственно, религиозной прагматики, подкреплялось психотехнической практикой и философским дискурсом, который, однако, не может быть сведен к простому обслуживанию религиозной идеологии. Эта последняя выступала лишь конкретно-исторической формой, в рамках которой ставились и решались собственно философские задачи относительно автономного характера.

5. Модель структурного полиморфизма включает три уровня, представленные в тексте с разной степенью полноты. Религиозно-доктринальный уровень, характеризующий принадлежность данного текста именно буддийскому мировоззрению, задан в тексте набором идеологем, определяющих его прагматику. Однако поскольку буддизм как религиозно-философская система непосредственно включает аспект "духовного делания", т.е. индивидуальную работу по трансформации сознания, настоящая модель учитывает это обстоятельство путем введения второго – психотехнического – уровня. Этот уровень в тексте вводится как система соотнесения конкретного метапсихологического понятийного аппарата, предполагающего эмпирическую референцию. Непосредственное извлечение этих эмпирических референтов представля-

ется нам задачей научно-психологической по преимуществу. Но разрешению этой задачи должно быть с необходимостью предпослано историко-философское истолкование этого аспекта системы.

Третий - логико-дискурсивный - уровень присутствует в тексте с максимальной степенью полноты. Он представлен системой ключевых слов (технических терминов) и логико-семантических переменных. Интерпретация предметной области значений этого набора может быть осуществлена достаточно строго путем применения методики синхронных сопоставлений и диахронических экстраполяций. Эта методика основана на принципах системно-генетического подхода, для которого характерен отказ от конфессионального признака деления, поскольку буддизм не представлял замкнутой идеологической системы, а его идеи и философская проблематика могут быть поняты только в неразрывной связи с тем идеологическим фоном, на котором они сформировались.

И. Е. Петросян

К ВОПРОСУ О БОЕСПОСОБНОСТИ ТУРЕЦКОЙ АРМИИ В КОНЦЕ XVI В.

Говоря о периоде наивысшего политического могущества Османской империи, который приходится на время правления турецкого султана Сулеймана I (1520-1566), историки обычно имеют в виду исключительную военную мощь османского государства, делавшую возможными многочисленные территориальные завоевания этого султана. В период его правления созданная предыдущими турецкими правителями военная организация, включавшая в себя феодальную конницу, пехотное войско янычар, сильную артиллерию, конные части придворного войска на жалованье и различные вспомогательные подразделения, эффективно справлялась с достижением наступательных военных целей завоевательной политики султана. По-видимому, можно говорить о том, что еще в середине XVI в. административная система и социально-экономическая структура Османской империи соответствовали высокому уровню военной организации и могли обеспечивать ее нормальное функционирование.

При первых преемниках Сулеймана положение стало заметно меняться, что связано как с рядом внутривнутриполитических изменений в самом османском государстве, так и с внешнеполитическими причинами. В конце XVI в., казалось, была поколеблена военная мощь Османской империи, приостановлена ее экспансия. Завоевания Сулеймана обозначали собой пределы территориального продвижения турок